

Спасти ЧАЭС

Книга 7

ПРИПЯТЬ

1979

ДАМИРОВ И ГАУСС

Рафаэль Дамиров
Максим Гаусс
Спасти ЧАЭС: 1987. Книга 7
Серия «Спасти ЧАЭС», книга 7

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70071865

Аннотация

Авария на Чернобыльской АЭС предотвращена, однако работа не закончена.

Лейтенант Савельев теперь сотрудник комитета государственной безопасности СССР. Во время специальной командировки в Афганистан, он находит ниточку, ведущую к новым планам коварного противника... Однако на этот раз враг перешел все границы!

Содержание

Глава 1. Предложение, от которого не отказываются	4
Глава 2. В Афганистан	20
Глава 3. Чужая земля	37
Глава 4. Засада	53
Глава 5. Мясорубка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Максим Гаусс, Рафаэль Дамиров Назад в СССР: 1985. Книга 7

Глава 1. Предложение, от которого не отказываются

– Разрешите, товарищ полковник?

– Надо же, какие люди! Ну, входите, товарищ лейтенант!

Я улыбнулся, вошел в кабинет и прикрыл за собой тяжелую дверь из красного дерева.

Товарищ Черненко, после реабилитации и долгих разбирательств, теперь занимал еще более высокую должность, хотя погоны остались те же. Мужик он был далеко не глупый, однако собственную подставу все-таки профукал. Как и зреющую в комитете смуту.

Кажется, теперь он занимал должность начальника второго отдела. По крайней мере, за время обучения до меня доходили такие слухи.

– Рад, что ты ко мне заглянул, Алексей! – полковник шагнул навстречу и протянул мне широкую ладонь. – Но еще

больше я рад, что теперь такие люди, как ты, работают у нас в комитете, ведь работы еще непочатый край! Да ты присаживайся, Алексей! Как говорится, в ногах правды нет. Может быть, чая или кофе?

– Нет, спасибо, Алексей Владимирович, – отозвался я.

Кабинет у него был не простой, впрочем, как и у всех значимых начальников комитета. Паркетный, хорошо залакированный пол, у стены пара роскошных кожаных диванов, под потолком шикарная хрустальная люстра. В углу огромный фикус в резной деревянной кадке, а рядом с ним специальная лейка. В центре кабинета разместился большой и удобный рабочий стол, на котором аккуратной стопкой лежали папки с документами. Там же стояла пара стационарных телефонов с расширенными возможностями, один из которых был традиционного красного цвета. Справа от них прилегла изящная стойка с дорогими авторучками, лениво поблескивающими при свете ламп. Пожалуй, на столе только компьютера и не хватало, но это будет актуально уже позже, в первой половине девяностых.

В кабинете было светло – оба окна выходили на солнечную сторону улицы Кирова, которая впоследствии будет переименована в Мясницкую.

– Вот видишь, Алексей, как все повернулось! – довольно произнес Черненко, когда мы сели. – Как сейчас помню, ты ведь не собирался продолжать службу в нашей структуре, а? Говорил и повторяю, у тебя впереди большие перспективы.

Шутка ли, получить лейтенанта уже через год и три месяца?

И действительно, после апрельских событий в Припяти восемьдесят шестого года, многое изменилось, не только у меня в жизни, но и вообще. Во-первых, после того как выяснились истинные цели планируемой на АЭС диверсии, ЗГРЛС «Дугу» взяли на особую, усиленную охрану, то же самое касалось и двух других антенн, что располагались в Николаеве и Комсомольск-на-Амуре. Был организован отдельный аналитический центр, который рассчитывал все возможные угрозы, которые могли быть направлены на противоракетный щит страны.

Во-вторых, на самой Чернобыльской АЭС и ей подобных, все реакторы типа РБМК-1000 были существенно модернизированы и доведены до ума. Помимо этого были введены в строй пятый и шестой энергоблоки из третьей очереди. И уже шли новые работы по размещению еще двух новых энергоблоков с реакторами РБМК-1500. Таким образом, легенда про двенадцать реакторов постепенно воплощалась в реальность...

В-третьих, Припять цвела и развивалась все ускоряющимися темпами. Город рос как на дрожжах. Рабочих мест на активно расширяющемся атомном предприятии было более чем достаточно – это привлекало в город энергетиков все новых и новых жителей. К середине восемьдесят седьмого года население атомограда уже перевалило за пятьдесят тысяч.

Предотвратив аварию, я серьезно изменил ход истории, не

дав подорвать экономический авторитет страны на мировой арене. Ядерная промышленность уверенно шла вперед ударами темпами, по всему Союзу строились новые атомные электростанции. Изменив события, тем самым я заставил колесо Советской машины крутиться иначе, а потому неудивительно, что все дальнейшие события могут и будут развиваться иначе. Теперь у меня не было преимущества в том, что я знал будущее... Даже не знаю, развалится ли теперь СССР или все опять пойдет по накатанной?

Внутри комитета была проведена серьезная работа – наличие «кротов» внутри системы весьма встревожило руководство. Если уж диверсанты смогли влезть на такой высокий уровень, значит, существующие методы противодействия оказались неэффективными. Во все это я вникать не стал, скажу лишь, что резонанс был огромный, но, само собой, все случившееся скрыли от общественности. Разобрались за закрытыми дверями. В газетах не было ни слова о том, что иностранные шпионы пытались взорвать один из энергоблоков атомной электростанции. И причины того были понятны...

Иностранный куратор и все исполнители были нейтрализованы, а потому угроза миновала. Главный зачинщик Виктор, оказавшийся троянским конем, был ликвидирован прямо у «БЩУ № 4» вместе со своим доверенным лицом, капитаном Пономаревым. Да, он все-таки подох через несколько дней при странных обстоятельствах. Можно сказать, что

мы едва уложились. Если бы вовремя не подоспел Андрияха Петров, то возможно, что Чернобыль все-таки рванул бы. В последствии, курсант сам попросил меня не светить присутствие его отца Григория и его самого во всем этом деле. По большей части капитан остался в тени, но как по мне, это было как-то нечестно...

Товарища Лисицына, трагически погибшего во время проведения операции, немногим позднее представили к государственной награде. Посмертно.

В июне восемьдесят шестого, спустя полтора месяца после событий на станции, меня тоже представили к награде. Честно говоря, я даже не ожидал, что про меня вообще кто-то вспомнит. Стоит ли говорить, что я испытал, когда в Москве, заместитель председателя комитета госбезопасности СССР, товарищ Ермаков прицепил мне на грудь Орден Красной Звезды?

А потом меня экстерном взяли в школу КГБ. Без всяких экзаменов и проверок. Более того, уже на следующий год я получил первое офицерское звание и назначение на должность.

– Это только благодаря вам, – демонстративно смутившись, ответил я. – Признавайтесь, вы ведь лично курировали вопрос о моем ускоренном обучении?

– Отчасти, – хитро улыбнулся он. – Павел Сергеевич тоже отметил. Да и чему тебя обучать-то? Ты и без нашей помощи прекрасно справлялся, практически в одиночку. В том,

что ты далеко пойдешь, я понял еще тогда, в Краснодаре, на полигоне Молькино, в восемьдесят четвертом. Без зазрения совести скажу, что ты куда толковее многих действующих сотрудников. Но, смотри, не зазнавайся! Эх, жаль, что так получилось с Пономаревым... Моя правая рука ведь. Недоглядел я, недоглядел... Кстати, как семья? Слышал, у тебя сын родился?

– Да, весной еще. Кириллом назвали. Все замечательно.

– Ну и отлично. Но, как ты понимаешь, я не просто так попросил тебя зайти, – как я и ожидал, полковник Черненко перешел от любезностей непосредственно к делу. Он взял со стола красную папку, открыл ее и вытащил оттуда пару листов бумаги, светло-желтого цвета. – Мне нужен толковый человек в одном важном деле.

– Так... – я осторожно подбирал правильные слова. – Алексей Владимирович! Меня же уже назначили...

– Ну да, так-то оно так, – вздохнул он, затем быстро открыв какой-то блокнот, пролистал там пару страниц. – Обратно в Краснодар?

Я кивнул.

– А в Афганистан не хочешь? – усмехнувшись, заявил Черненко, посмотрев на меня внимательным взглядом. – Ненадолго, максимум на неделю. Дело там намечается серьезное, отличная возможность проявить себя, вместо того, чтобы в кабинете штаны просиживать. Ты ведь не кабинетный человек. Ну, что скажешь?

Честно говоря, предложение полковника меня сбило с намеченного курса. Мы с Юлей уже решили, что будем переезжать из Припяти. Нет, ничего плохого в городе не было, просто нам хотелось перебраться в город крупнее, где климат лучше. И чтобы море было недалеко.

Пока я обучался в Москве, они с полугодовалым Кириллом продолжали жить у ее отца, полковника Кошкина. Она наконец-то стала ветеринаром, но поработать им не успела – ушла в декрет.

Так уж вышло, что накануне нашего переезда ее отца повысили в звании и он нашел себе новое место службы как раз под Краснодаром. Правда, пришлось сменить род войск. Что касается моих родителей, то пока вопрос об их переезде был в подвешенном состоянии. Не очень им хотелось делать такую рокировку без видимых причин.

– Алексей Владимирович, даже не знаю... – конечно, отказывать ему никакого желания у меня не было. Ведь сейчас полковник был не только вышестоящим начальником, но и наставником. И даже другом, в какой-то степени. Если бы не он, я бы не справился с задачей и, наверное, вообще не смог бы попасть на ЧАЭС, не наломав при этом дров.

– А что за дело?

– Ну, всего я рассказать не могу, сам понимаешь, – ответил Алексей Владимирович. – А если в трех словах... В одной из неподконтрольных нам провинций, по секретному маршруту пойдет хорошо вооруженный караван. В нем бу-

дут иностранцы, которых там быть не должно. Есть сведения, что они будут перевозить что-то очень непростое, касающееся ядерной программы. Командование уже распорядилось задействовать две лучших группы спецназа ГРУ для нейтрализации. Если согласишься, пойдешь с ними, но само собой, с автоматом на амбразуры лезть не нужно.

– О, как! А не слишком ли это круто?

– Да, я знаю, о чем ты думаешь, – замахал руками Алексей Владимирович. – Отправлять молодого лейтенанта на войну, да еще и на такое жаркое задание – нецелесообразно... Однако не все так, как кажется. Во-первых, всю грязную работу сделают бойцы спецназа. А мне нужен там свой человек и не буду отрицать, ты чуть ли не лучший кандидат. Прилетишь на место, день-два обустроишься в лагере. Встретишься с командиром группы, пройдешь инструктаж. Ну а как только разведданные подтвердятся и конвой пойдет, ноги в руки и на место. Понятное дело, что будет мясорубка, поэтому, сам не лезь. Как все закончится, пройдешься по колонне, соберешь трофеи и назад. Ничего сложного.

Я усмехнулся. Ну да, ничего сложного.

И я не опытный? Ага, как же. Да за свою прошлую жизнь, где я только не побывал и чего только не видел. Конечно, не стану утверждать, что я менял горячие точки как перчатки, но все-таки были и жаркие дни. Та же вторая Чеченская, к примеру. А еще я прекрасно понимал, что это только на словах у полковника все так просто. Обязательно будут подвод-

ные камни.

Нет, ехать в Афганистан я не боялся. Однако теперь решения принимались иначе — у меня была семья и лишний раз рисковать я попросту не хотел. Но и отказывать было никак нельзя.

— Алексей, да ты не торопись, подумай... А ответ дашь вечером! — спокойным голосом отозвался полковник, откинувшись на спинку кресла и дважды прокрутив в пальцах карандаш. — Хорошо?

— Как скажете, Алексей Владимирович.

— Тогда больше не задерживаю, — он поднялся с кресла. — Уверен, у тебя еще остались дела в городе. Кстати, куда потом?

— Домой, — ответил я, затем добавил. — Когда планируется операция?

— Скоро, — уклончиво ответил тот.

Я понимающе кивнул, затем двинулся к двери. Покинув кабинет полковника Черненко, я миновал путаницу коридоров и, получив в гардеробе свои вещи, вышел на улицу.

На дворе был сентябрь восемьдесят седьмого года. Летний зной уже сошел и было достаточно прохладно. Вечером у меня был поезд в Минск, а оттуда автобусом до города атомщиков. Вот только я совсем не был уверен, что сяду на этот поезд...

Последнее время я много размышлял. Что уж говорить, оценивая последствия своего вмешательства в историю, я

был несказанно горд. Вот это дело, так дело. Благодаря моей инициативе и стараниям, целый регион остался жить в своих домах, крупный город и несколько населенных пунктов поменьше продолжали жить своей жизнью. Не появилось тридцатикилометровой зоны отчуждения. Не случилось жуткой техногенной катастрофы и больше не случится! Не будет всепроникающей радиации, не будет сотен пострадавших...

Помню, что в июле восемьдесят шестого я несколько раз был на мосту, которому уже не суждено стать «мостом смерти». Мне нравилось наблюдать за работающей станцией. Особенно величественно она смотрелась на закате, в лучах заходящего солнца. Конечно же, Юлия не знала всей правды о том, что произошло на АЭС и почему я был ранен. Ну и по понятным причинам не понимала, почему у меня такое особое отношение к этой электростанции...

Отношения с девушкой наконец-то стали такими, какими я хотел. Семейными. Свадьба, кстати, была простой, только для своих. Не хотелось мне делать сенсацию из только нашего праздника. А потом она забеременела и у нас родился Кирюха.

После максимально сокращенного курса обучения в школе КГБ, мне все-таки присвоили звание лейтенанта и определили новое место дальнейшей службы. Краснодар – город, с которого все началось. Честно говоря, даже не верилось, что в СССР такое было возможно.

Впереди у меня была запланированная неделя отдыха и я

собирался провести ее с семьей. Но тут на горизонте неожиданно появился товарищ Черненко. В общем-то, так я и оказался у него в кабинете.

Конечно, его предложение было странным и весьма опасным, чего уж тут говорить. В таких делах, как нейтрализация вооруженного каравана боевиков, да не лишь бы где, а в сердце Афганистана – само по себе непросто.

Я не хотел обманывать ни себя, ни кого бы то ни было. Еще там, сидя в кресле у Черненко, я уже знал, что соглашусь. Внутренняя чуйка безоговорочно подсказывала – так надо... И я смирился.

Погуляв немного по Красной площади и поглазев на Кремль, который я уже видел не один десяток раз, только в своем времени, сам не заметил, как выбрался на Ильинку и миновал ГУМ.

Не прошел и сотни метров, как вдруг откуда-то сзади отчетливо услышал знакомую музыку... С каждой секундой она становилась все громче и громче!

*На теплоходе музыка играет
А я одна стою на берегу
Машу рукой, аж сердце замирает
И ничего поделать не могу*

Кажется, только что она была далеко-далеко и вот рядом

со мной резко остановилась вишневая Лада, в простонародье ВАЗ-2109. Потом пригляделся, нет, все-таки это была восьмерка. Из открытого окна весело пела быстро набирающая популярность Ольга Зарубина.

– Эй, лейтенант! – крикнули мне из салона. – Подвезти?

Увидев, как из окна выглядывает Андрюха Петров, по прозвищу Курсант, я рассмеялся. Сам капитан уже давно, а все равно охотно отзывается на Курсанта. Прилипло же к нему это прозвище еще с курсантских времен.

Я подошел, открыл дверь и плюхнулся на переднее сиденье. Андрей сделал музыку потише.

– Ну, здорова! – он протянул мне ладонь.

– Здравия, товарищ капитан! – весело ответил я. – Вот так музыка у вас!

– Слышь, прапорщик... Ты, вообще-то, с майором уже разговариваешь! – картинно возмутился Андрей.

– Да ладно-о! Серьезно? – приятно изумился я. Кажется, последние полгода не прошли даром.

– А то! – улыбнулся Андрей. – Неделию назад получил! А музыка – самое новое, только недавно была записана. Вспомни, как в нашу молодость под нее на дискотеках жгли! Мне тут по знакомству удалось запись достать, прямо со студии.

– Подсуетился? Это правильно... – похвалил я. – И по службе молодец, растешь. Вот это я понимаю, карьерный рост!

– Да ты еще меня обгонишь! – парировал Андрей. – Ты ж

вроде теперь комитетский, человек особого статуса?

– Так! А ты откуда знаешь, что я курсы окончил? – удивленно спросил я. – Вроде при нашей последней встрече я этого не озвучивал.

– Это секретная информация! – загадочно ответил тот. – Леха, как у тебя со временем? Может, по пивку?

– Это можно! – я посмотрел на часы. – Место сам выби-рай, ты у нас человек с Московской пропиской!

– Принял! – кивнул Андрей, выруливая на Большой Чер-касский переулок...

* * *

За кружкой «Жигулевского» я вкратце рассказал Андрею о предложении Черненко. Большинство подробностей я, конечно же, опустил, но общая суть осталась понятна. Может, и не стоило этого делать, но я доверял Петрову как себе, ведь у нас с ним было столько всего общего. Намного больше, чем у любых других отдельно взятых людей.

– Что думаешь?

– Ну... Так с ходу и не скажешь, – выдохнул Андрей, поставив кружку на столик. – Черненко – мужик очень непростой. У меня с ним в свое время тоже дела были, пытался за-вербовать, но я не согласился. Ну не лежало у меня на КГБ, я в милицию хотел. А тебя, выходит, он все-таки прогнул?

– Перестань, я не про это спрашивал.

– Ладно, ладно... Ну! Раз он обратился к тебе сам, значит, дело действительно важное. Алексей Владимирович – человек, может, и скользкий, но свое слово держит. Конечно, из кабинета взгляд на все совершенно другой, да и он с тех пор, как был капитаном, наверняка изменился... Думаю, что тебе лучше принять его предложение. Сам подумай, раз ты досрочно получил офицера, у тебя однозначно будут недоброжелатели и завистники, для которых ты как кость в горле. И пока ты не окрепнешь и не обростешь жирком в комитете, лучше тебе быть под его крылом. Далеко пойдешь.

– А я не карьерист, – смело возразил я. – Мне все это не нужно, прошлой жизни по командировкам хватило. Где меня только не носило. С одной стороны хотелось бы сидеть в уютном кабинете, в центре Краснодара и не рисковать лишний раз. С первых дней, как я очнулся в Союзе, я был одержим только одной целью – спасти ЧАЭС. Ну, она спасена. Пора бы уже осадить коней и потихоньку жить как нормальный человек. Но с другой стороны, я ведь не такой. Бумажная волокита не для меня, я воин, а не библиотекарь – папки с места на место перекладывать. И все же Афганистан – это серьезно. Там война идет, а дело, в котором мне предложили участвовать, может пойти совсем не по тому сценарию, о котором говорит Черненко. Ты же знаешь, как оно бывает.

– Ну да, – согласился Курсант. – Только вон, из пивнухи выйти можно и в луже утонуть. Поскользнулся, лбом в асфальт и лежи пузыри пускай. Дерьмо может настигнуть нас

где угодно. Нам ли не знать.

Я задумчиво кивнул.

Он был прав.

Конечно же, я для себя все решил, но для самоуспокоения решил проконсультироваться с другом. Мы оба попаданцы в СССР, оба воспользовались своими знаниями не нестандартным образом. Оба участвовали в предотвращении Чернобыльской катастрофы, у обоих нелегкая судьба. Ни он, ни я не стали миллионерами, не рвались в политику.

– Как жена, как дети? – я решил немного сменить направление. – Как Светлана Валерьевна?

– Все хорошо. Не жена она, по службе не положено. Отношения наши мы узаконить не можем, сам знаешь. Либо кому-то из нас увольняться, либо разбежаться. Ну или оставить все как есть и жить дальше. Ну а про детей пока никак... Кстати, у тебя же вроде сын родился?

– Все-то ты знаешь.

– Работа такая. Поздравляю, Леха! Зря времени не теряешь!

Мы чокнулись.

– Ну а ваша межведомственная спецгруппа еще существует?

– А что же с ней делается? – он залпом допил остатки. – Лучшая в Союзе, уже какой год. Пока всех маньяков в Союзе не переловим, не успокоимся.

Оба рассмеялись. Заказали еще по одной.

– Над чем сейчас работаете?

– Пока тихо. Никита Егорович даже заскучал.

Время потихоньку бежало. На часах была уже половина четвертого. Мне нужно было сдать билет, созвониться с Черненко и... Самое сложное, связаться с домом и сказать супруге, что мой приезд откладывается на неделю, а может, и больше. Конечно же, Юлия будет недовольна, но куда деваться. Судьба у нее такая, все время меня ждать. Сначала из армии, потом из медсанчасти, а теперь вот с новой работы...

Закончив с пивом, мы с Андреем разошлись. Он укатил на автобусе, а вишневая восьмерка осталась отдыхать на стоянке. Так-то вишневой должна была быть девятка, но отечественный АвтоВАЗ пока еще не выпустил их в продажу.

Билет на поезд я сдал без проблем, затем отыскал телефон-автомат, и сунув в приемник две копейки, набрал номер полковника, который знал уже давно.

– Черненко, слушаю! – отозвалась трубка.

– Алексей Владимирович, это Савельев! Я согласен на ваше предложение!

– Отлично! – судя по его голосу, он даже не удивился. Чекист прекрасно знал, что я соглашусь. – Будь сегодня у входа в гостиницу «Москва» ровно в пять. Тебя заберут. С собой брать ничего не нужно. Инструкцию получишь на месте.

Далее он отключился.

А я тяжело вздохнул и набрал второй номер, с кодом Припяти...

Глава 2. В Афганистан

Ровно в пять вечера к центральному входу гостиницы «Москва» подкатила начищенная до блеска черная «Волга». Кажется, это была новая, модернизированная ГАЗ 24–10. Помню, читал в каком-то журнале еще в прошлой жизни.

Само собой, такие машины простым людям не продавали в принципе. Я даже не удивился, почему-то иных служебных машин у комитета государственной безопасности не водилось. Насколько я помню, это была предпоследняя модель, которая использовалась в этой структуре, вплоть до развала СССР.

Никаких вещей с собой у меня не было. Все осталось лежать в общежитии, откуда я так и не выселился толком. По-быстрому договорился с комендантом, чтобы мою комнату придержали еще на недельку-другую. К счастью, тот оказался мужиком понимающим и после разъяснений согласился пойти навстречу.

Конечно, было довольно странно, что офицерское звание я получил не в июне месяце, как все остальные выпускники, а только в сентябре. Все лето у меня шли дополнительные практические занятия, в то время как у других нормальных людей был положенный отдых. Впрочем, я понимал, что в первую очередь, это нужно мне, а потому стойко и тягостно переносил...

В обучении хорошую службу мне сослужил еще и тот факт, что срочную службу я провел в спецподразделении «Барьер», которое готовили особенно тщательно. Собственно, три четверти всего, что преподавали в школе, я уже знал. Так уж получилось, что многие инструкторы, кто преподавал в «Барьере», были из комитетских. Само собой, среди сокурсников у меня были завистники и недоброжелатели.

Не обошлось и без стычек, но они всегда заканчивались одинаково, исключительно в мою пользу. Опыта хватало, все-таки инструкторы у меня были хорошие и опытные люди, поэтому махать руками-ногами я умел. Да и бить людей, если они открыто нарывались на физические контакты, я не боялся.

– Лейтенант Савельев? – из окна подъехавшей машины высунулся молодой парень, в костюме. На вид возраст соответствовал моему. Кажется, я даже видел его ранее.

– Он самый! – ответил я, подходя ближе к открытому окну.

– Садитесь назад. У меня для вас пакет документов и инструкции по дальнейшим действиям.

Я кивнул, забрался на заднее сиденье. Волга тут же тронулась.

– Меня зовут Никита, я помощник Алексея Владимировича, – произнес водитель и протянул мне плотный бумажный пакет. – Здесь полный комплект всех необходимых документов, посмотрите позже. Значит, так... Сегодня ночью

вы вылетаете со Чкаловского на ИЛ-76 сначала в Ташкент, а оттуда в Баграм, нашу главную авиабазу в Афганистане. Расположена она в провинции Парван. Там развернут крупный военный гарнизон 40-й Армии вооруженных сил СССР.

– Это я все и так знаю, – спокойным голосом перебил его я. – Ближе к сути.

– Хорошо, – водитель на мгновение осекся, затем продолжил: – По прибытии в Баграм вас встретит наш человек – капитан Быстров. Он уже проинформирован и знает, как доставить вас на место.

– Ясно. Суть задачи осталась та же?

– В целом, да. Единственное, как только группа спецназа сделает свое дело, сразу же выдвигайтесь к колонне. Ищите необычного вида чемоданы, либо кейсы. Важные документы. На наркотики и деньги не обращайтесь, они нас не интересуют. Все, что найдете, нужно будет доставить обратно в Баграм, ну а дальше, по обстоятельствам.

– Что конкретно мне искать?

– Точной информации нет. На этот счет я проинструктирован ответить вам именно так. Возможно, это будут карты. Данные секретные. Кейсы, чемоданы. Думаю понятно, что раз развернута такая дерзкая операция под носом противника, то на это есть причины? Наша разведка работает исправно.

– Хорошо, с этим все понятно. Какие могут быть сложности?

– Любые. Но, их нужно минимизировать.

Я лишь усмехнулся – сколько раз в прошлой жизни я слышал такой ответ.

Оставшуюся часть пути мы ехали молча. Через сорок минут добрались до военного аэродрома. Там я быстро прошел досмотр, затем переоделся в уже знакомую мне новую «Афганку». Из личных вещей у меня был только стандартный набор белья и рыльно-мыльных принадлежностей в самом обычном вещевом мешке. Он кстати, лежал в багажнике служебной «Волги», заготовленный специально для меня. Да-а, товарищ Черненко подсуетился, ведь заранее знал, что я дам положительный ответ. Проницательности ему не занимать. Надеюсь, в чужой республике я не задержусь.

Вместе со мной на грузо-пассажирском «Илюше» летели еще люди. Их было пятнадцать человек, но как я понял, все гражданские лица. Так же семьдесят шестой вез какой-то военный груз, упакованный в большие желтые мешки и темно-зеленые деревянные ящики. В мешках могло быть что угодно, а вот насчет оружейных ящиков все было предельно ясно. Ими было заставлено все свободное место, почти до самой ramпы.

Согласно маршруту, сначала мы должны были лететь на перевалочный пункт в Ташкент, а после дозаправки и высадки пассажиров, прямиком в Баграм. Там, на главной авиабазе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, после подробного инструктажа, я должен был выдви-

нуться куда-то на северо-запад. Но сначала нужно встретиться с куратором, капитаном Быстровым. Вроде бы пока все было понятно, хотя не скрою, пришлось понервничать. Все-таки не на прогулку ведь летел, а в мусульманскую страну, где уже который год шла гражданская война... В моей прошлой жизни, со времен СССР и по настоящее время там всегда было беспокойно.

Честно говоря, меня никогда не интересовали причины, по которым на территорию Афганистана был введен ограниченный контингент советских войск. Понятно, что гражданская война, апрельская революция... Но это официальная версия, а как оно было на самом деле тесно завязано на политике... Это произошло и точка, тут и размышлять нечего. Сомневаюсь, что изменить эту часть истории было бы возможно силами одного человека. Впрочем, я до конца не верил и в то, что мне удастся предотвратить Чернобыльскую катастрофу, а получилось же...

Помню, что ощущение было такое, будто гора с плеч упала. И все же, несмотря на то, что на АЭС тогда все закончилось относительно хорошо, у меня еще оставалось некое предчувствие недоделанной работы. Быть может, я чего-то еще не учел или недоглядел?

Как и говорил ранее, не любил я перелеты. Еще в прошлой жизни, когда я со своей группой летал в разные уголки страны, каждый раз нервничал. А в последний раз, в Сирии, вылетая с «Химок» меня вообще посетило странное чувство,

которое я тогда никак объяснить не смог. Чем обернулась командировка – напоминать, думаю, не стоит.

ИЛ-76 покинул аэродром почти в десять вечера. Взлет прошел нормально, в штатном режиме и без каких-либо проблем.

Признаюсь, лететь в течение пяти часов до Ташкента было довольно тяжело. То ли я отвык, то ли причина заключалась в чем-то другом, но прошедшие часы тянулись ну очень медленно. Куда медленней, чем во время моего пребывания в госпитале. Попробуй-ка посиди столько времени на пятой точке, на коротком, жестком и очень неудобном откидном кресле – мышцы затекли уже через час. И ведь ходить-бродить по салону запрещалось.

Сначала было душно, потом стало, наоборот, холодно. Обогрев салона исправил ситуацию, вот только легкий запах машинного масла и авиационного топлива никуда не делся. Спустя какое-то время я перестал замечать посторонние запахи, но зато появилась ноющая головная боль.

Вещмешок с нехитрым имуществом стоял между ног, частично прикрытый сиденьем. Ноги вперед не вытянешь – мало места, так как впереди начиналась пирамида из оружейных ящиков. Иногда проходил ругающийся как сапожник бортовой инженер, поэтому каждый раз ноги приходилось убирать.

Мерный гул двигателей почему-то не успокаивал, а действовал на нервы. Я тщетно пытался поспать, но получа-

лась лишь какая-то полудрема, от которой голова разболелась еще сильнее.

Когда же несчастные пять часов прошли, а наш борт добрался до нужного места и пошел на посадку, стало чуть получше. Почувствовав слабый, но все же ощутимый толчок, сигнализирующий сцепление колес с полотном, я облегченно выдохнул. Но это была только первая половина перелета, а дальше предстояло самое интересное.

Все было хорошо освещено, несмотря на раннее время суток. Весь аэродром был выложен большими бетонными плитами, расстояние между которыми едва ли достигало пары сантиметров. Сразу видно – в постройке участвовал СССР, за многие годы где-то только совок не отметился. Хотя, ничего удивительного тут нет, ведь Узбекская ССР – это тоже часть Советского Союза.

Кое-где пыталась прорасти редкая пыльная трава, но было заметно, что с ней постоянно боролись. Ветер гонял желтую пыль, ощутимо пахло перегретым маслом. Было жарко, температура была на отметке где-то под сорок градусов. Мне сразу же пить захотелось, но я прекрасно знал это обманчивое чувство. В странах с засушливым и жарким климатом нельзя много пить.

Внезапным порывом ветра с меня чуть не сорвало панамку, едва успел ее придержать. Я был налегке, вещевой мешок оставил в самолете, смысл его таскать за собой? А вот пакет документов я прихватил. Посмотреть их в самолете не полу-

чилось – рядом со мной сидел какой-то подозрительный мужик восточной наружности, взгляд которого мне совсем не понравился.

Спустившись по трапу вниз, остановился и осмотрелся. Все остальные пассажиры, захватив свои вещи, уже сошли и убыли в основное здание аэропорта. Я сделал вывод, что, скорее всего, дальше я полечу либо один, либо добавятся новые пассажиры.

К заглушившему двигателю самолету уже подъехал топливозаправщик, вокруг него носились люди в «афганке». Судя по всему, разгружать «Илюшу» не будут. Осмотревшись по сторонам, я увидел облаченного в синий авиационный комбинезон техника:

– Сколько будем стоять? – поинтересовался я.

Тот отстранился от планшетки, скользнул недовольным взглядом по моим пустым фальшикам, но все-таки ответил:

– Два часа. Взлет ровно в пять.

– Здесь можно где-то покушать?

– Слева столовая.

Я поблагодарил и двинулся к главному зданию.

Пока шла дозаправка, у меня появилась отличная возможность поужинать. Хотя какой, к черту, ужин в три часа ночи? Со вчерашнего вечера в желудке было пусто. Поужинать я попросту не успел, а выпитое с Курсантом пиво не в счет.

К счастью, довольно большая столовая, расположенная в здании аэропорта, работала круглосуточно. На входе де-

журил скучающий прапорщик, делающий вид, что читает книжку.

Очевидно, что питаться там могли не все, тем более учитывая время суток. Но на мое счастье получилось так, что экипаж стоящего неподалеку другого ИЛ-76, в почти полном составе тоже явился на несвоевременный прием пищи, поэтому я и прибил к ним. Вход был по пропускам, но у меня его никто не потребовал.

Кормили хорошо, было не только вкусно, но и много. Я с жадностью умял тарелку наваристого борща, большую порцию гречки и две свиных котлеты с подливкой. Все запил горячим чаем.

Пока кушал, обратил внимание, что столовая типичная для советских времен и даже тот факт, что я сейчас находился в Узбекистане, практически не искажал картину. Да и много ли столовых я видел? За три года новой жизни я, кроме Москвы и Припяти, нигде особо и не был. Тем не менее было очевидно, что столовую посещают разные народности, и неважно – военные летчики, солдаты или гражданские. Впрочем, в три часа ночи там было практически пусто и работала только часть ночной смены.

Покончив с едой, я выбрался обратно на улицу. Дышать горячим воздухом было неприятно, но куда деваться? Заметил, что голова практически перестала болеть, отчего мое настроение стало лучше.

Вокруг ночь, но, как и положено, вся территория аэродро-

ма была хорошо освещена. Справа, на открытом воздухе стояла пара АН-12, один «двадцать шестой». Еще дальше, но уже в закрытых ангарах торчали носы штурмовиков. Я так и не понял, зачем они тут стояли, ведь в самом Афгане уже давно был сформирован 34 АК.

Свободно гулять по территории, само собой, было запрещено, поэтому я направился в единственное место, откуда меня точно никто не прогонит. Прошел в большой зал ожидания, где уже собралось около трех десятков человек в военной форме. Все они стояли отдельными небольшими группками, не обращая на меня никакого внимания. В это время суток здесь было как-то совсем пусто.

Отыскав свободную лавку, я повторно вскрыл пакет с документами, что передал мне помощник полковника Черненко.

Здесь было мое удостоверение, причем фальшивое. Согласно ему, я не лейтенант КГБ Савельев, а лейтенант ВС СССР Мосинцев Алексей Петрович. Фотографию, имя и звание мне оставили прежние. Еще внутри было предписание, специальный пропуск.

С удостоверением личности все было понятно. Тут два варианта – либо меня тут быть в принципе не должно, и я играю роль кого-то другого, либо это сделано на случай, если что-то пойдет не по плану и я попаду в плен. Что делали с пленными солдатами моджахеды и талибы, вспоминать как-то не хотелось. Достаточно вспомнить, что вызволения

ем пленных занимались крайне неохотно и когда советские войска были выведены из Афгана, командующий 40-й армии заявил, что на территории республики солдат нет. На самом деле это было не так, всех пленных списали как без вести пропавших.

Также в пакете были фотографии, все черно-белые и сделанные издалека. Судя по всему, на одной из них был изображен какой-то аул, на трех следующих тот самый караван, который мы должны были остановить. Имелась фотография капитана Быстрова, чтобы я понимал, с кем нужно выйти на контакт.

В целом, все стандартно. И хотя ранее я подобным никогда не занимался, ничего подозрительного здесь не было.

По прошествии еще сорока минут, дали команду грузиться обратно. Озвучили изменившиеся полетные списки, пока что я проходил под своей настоящей фамилией. Вернувшись в самолет, я увидел внутри десятков человек в точно такой же «афганке», как и у меня. У них не было ни шевронов, ни знаков различий. Все как один, даже по возрасту. Судя по всему, это была какая-то спецгруппа, возможно, спецназ ГРУ. Очень может оказаться так, что именно с ними я пойду на предстоящее задание.

Мы обменялись взглядами и этим все и ограничилось. Ни им до меня, ни мне до них не было никакого дела.

Рампа была открыта – внутрь заканчивали догружать что-то еще, помещенное в транспортную сеть.

Через несколько минут погрузка была окончена, а топливозаправщик убыл обратно на заправочную станцию, полосу освободили.

Получив разрешение на взлет, наш «Илюша» выдвинулся на выделенную полосу. Взлет из Ташкента прошел без проблем и наши пилоты взяли курс на Баграм. Дальше начиналась активная часть моей командировки.

При наборе высоты вновь ощутил противное чувство, когда закладывает уши, а мозг прижимается к верхней части черепа. Почему-то на гражданских самолетах такого не случалось, по крайней мере, не так заметно. К счастью, подобное длилось недолго.

А примерно минут через сорок после взлета я неожиданно для себя заснул. Скорее всего, просто сморило после сытного приема пищи...

Проснулся я оттого, что меня усердно трясли за плечо. Открыв глаза, я непонимающе уставился на заросшее щетиной хмурое лицо бортового техника. Того самого, у которого я спрашивал про столовую.

– Ты Савельев? – пересиливая мерный шум двигателей, спросил тот.

– Лейтенант Савельев! – зевнул я и пародируя одного пиратского капитана, зачем-то добавил: – Смекаешь?

Техник явно ничего не понял, потому что замер в нерешительности. Сообразил, что говорит не абы с кем.

– Вас в кабину вызывают.

Встав с места, я заметил, что летевшие со мной люди смотрят в мою сторону с нескрываемым интересом. Прошел мимо, не до этого было.

Поднявшись по лесенке и открыв дверь, я вошел внутрь. На меня накатило чувство дежавю – тогда, в Сирии, точно так же меня уже вызвали к командиру, чтобы сообщить об изменении планов.

Снял наушники с крючка, водрузил на голову.

– Лейтенант Савельев? – уточнил капитан.

– Что-то случилось? – опустив формальности, спросил я.

– Пока ничего. Однако планы резко поменялись и... Мы больше не летим в Баграм!

– Почему?

– Там сейчас с погодой не очень, но дело не в этом. Пришло распоряжение со штаба, что тебя нужно высадить в Мазари-Шариф! – голос у капитана был недовольный. – Уж не знаю, лейтенант, что ты за птица... Но какого черта?

На этот вопрос я не ответил. Раздражение офицера я понимал.

– Ладно, – спустя несколько секунд, уже спокойнее произнес командир. – За десять лет полетов я третий раз вижу, чтобы борт пускали по другому курсу из-за одного-единственного пассажира. Семьдесят шестой – это, вообще-то, не такси, да только команда пришла прямиком из штаба. В общем, все понятно?

– Я вас понял, товарищ капитан! – кивнул я. – Сколько

еще лететь?

– Минут двадцать и пойдем на посадку. Баграм юго-восточнее будет, поэтому доберемся быстрее.

На этом разговор окончился. Я вернул наушники на место, а сам покинул кабину и, спустившись обратно, сел на свое место.

Итак, вот и начались первые проблемы. Мы еще даже до Афганистана не долетели, а уже становится интересно. Что же послужило причиной того, что точку дислокации пришлось менять прямо на лету? Точно не погодные условия...

Напрашивались две мысли – либо план поменялся и в Баграме что-то не так и это как-то связано с моим заданием. Либо караван вышел раньше положенного срока и теперь вся операция под угрозой.

Мазари-Шариф – самый северный аэропорт республики, при этом способный принимать большие самолеты вроде «Илюши» и даже больше. Но почему мы летели именно туда? Вроде как северная часть Афганистана под контролем Советского Союза, за исключением небольших серых зон. Неужели караван пойдет по контролируемым территориям? Впрочем, Панджшерское ущелье большое и обстановка там постоянно менялась.

Вскоре борт начал заходить на посадку. Это я понял по изменившемуся звуку работающих двигателей. Внутри загорелся свет, хотя до этого работало только дежурное освещение. Иллюминаторов была всего пара штук, но я понял, что

снаружи светло.

Судя по всему, сейчас было около восьми часов утра. Из-за смены часовых поясов, наручные часы были бесполезны. Кажется, разница незначительная, но с ходу я этого определить не смог.

В крови резко подскочил адреналин, а от напряженного ожидания сердце колотилось о грудную клетку. Усилием воли заставил себя немного расслабиться, было дело – научили.

Тем не менее, осознание неизвестности было мучительным, но к этому я был готов изначально. Это чувство я знал более чем хорошо, поэтому знал, как на него реагировать.

Я слегка удивился тому факту, что никто из присутствующих даже не поинтересовался, почему это после моего возвращения из кабины пилотов, мы вдруг начали менять курс, а затем и вовсе пошли на посадку на час раньше положенного времени.

Сели спустя десять минут, к счастью, благополучно. На этот раз посадка была не столь мягкой, как в Ташкенте. Чувствовалось, как шасси встречают сопротивление полосы, которая была явно лучшего качества. Наконец, мы остановились.

Непонятно откуда появился бортовой инженер. Почти сразу рампа поползла вниз. Внутри салона сразу же ворвался горячий, пропитанный пылью воздух. Вместе с ветром я услышал сильный шум, в котором безошибочно узнал звуки

работы вертолетов. На них мне довелось полетать немало, особенно на Ми-8.

– Лейтенант Савельев! – крикнул спустившийся по лесенке техник. – Можно выгружаться...

– Принял! – отозвался я, поднимаясь с места.

Конечно, летчики – народ прожженный. Многое уже повидали и под обстрелами были. Наверняка обо мне сложилось отдельное мнение – с виду-то я еще молодой, да еще и без погон. Меня могли принять за кого угодно, однако очевиден факт – команда не знает, кто я такой на самом деле и почему ради меня их развернули прямо в полете.

Ухватив вещевой мешок и документы, я бегом рванул наружу. Краем глаза заметил, что бортовой инженер готовился то ли к загрузке, то ли к разгрузке. Впрочем, мне-то какая разница?

Первое, что я увидел – довольно высокий горный хребет, протянувшийся с запада на восток. Создавалось впечатление, будто он огибает аэродром со всех сторон. Все видимое пространство аэродрома было выложено бетонными плитами, многие из которых были треснутыми. Само собой, строил его тоже Советский Союз, причем еще в пятидесятых годах. Где только СССР не отличился, в одной только Сирии таких аэродромов насчитывалась дюжина.

Пока я стоял и смотрел по сторонам, от главного здания отделился темно-зеленый четыреста шестьдесят девятый УАЗ. Не доехав до самолета метров тридцать, машина

остановилась прямо на полосе.

Пассажирская дверь открылась и оттуда выбрался человек в точно такой же «афганке», но при этом хорошо экипированный.

– Лейтенант Савельев? – перебивая внешний шум, крикнул он, глядя на меня.

– Так точно! – ответил я, направляясь к машине.

– Залезай! У нас мало времени!

– А вы, собственно, кто?

– Какая разница, лейтенант? – нахмурился тот.

Такой ответ меня совершенно не устроил, ведь я действовал строго по инструкции. И очевидно, что все пошло не по заранее спланированному сценарию.

– Где капитан Быстров? – спросил я.

Пассажир и водитель многозначительно переглянулись...

Глава 3. Чужая земля

Тот, что сидел рядом с водителем, протянул мне корочку.

Я быстро пробежался глазами по содержимому удостоверения личности. Согласно ему, передо мной был старший лейтенант Нагибин Сергей Иванович, вот только ранее в инструктаже о нем не было ни слова. Тем не менее, своего удивления я не показал.

– Ну, удостоверение... И что я должен с этого понять? – с некоторым удивлением поинтересовался я, затем вернул документ обратно. – Какие основания для того, чтобы я сажился к вам в машину?

Водитель недовольно скривился.

Я хотел уже отойти от УАЗа, но сидевший рядом с водителем пассажир выругался и решительно выбрался наружу.

– Лейтенант, погоди, – громко произнес он. – Не торопись!

– Что это за цирк? – поинтересовался я. Очевидно, что возникла несостыковка.

– Признаю, – кивнул тот. – Я не с того начал, да и дипломат из меня хреновый. Ты уже наверняка понял, что первоначальный план накрылся?

– План?

– Знаю, ты должен был встретиться в Баграме с капитаном Быстровым, пройти инструктаж и выдвигаться на указанную

им точку, так?

Я неопределенно пожал плечами, тем не менее внимательно слушая старлея.

— Капитан Быстров все еще на авиабазе, из-за изменений он не успел сюда добраться. Поэтому я получил указание от своего командира действовать напрямую, без кураторов.

— Да я уже догадался.

— В общем, ситуация следующая... — вздохнул офицер. — Ранее у нас был оперативный запас в сутки. Так вот теперь его нет. Из-за того, что интересующий нас караван вышел раньше намеченного срока и пошел по другому пути, пришлось срочно менять весь план. Само собой, меняется место перехвата и все условия. Выдвигаться будем отсюда, из Мазари-Шарифа. Указание получено прямиком из Москвы, однако в подробности меня не посвящали.

Ну, теперь-то все встало на свои места. Вот и причина, по которой наш ИЛ-76 сменил курс и сел в другой точке. В любых военных операциях всех времен крайне редко бывает так, чтобы все шло строго по первоначально определенному плану. Всегда есть какие-то нештатные ситуации, изменения или мелкие несостыковки. Порой, даже тщательно спланированные операции накрываются медным тазом. Заранее все предусмотреть в быстро меняющихся условиях просто невозможно. Могут быть и утечки информации и непредвиденные обстоятельства и даже погодные факторы, но об этом можно говорить сколько угодно.

– Полагаю, в Москве этого не предусмотрели?

– Ну да. Потому мы и поторопились встретить тебя сразу после посадки.

– И что же, вы, товарищ старший лейтенант, на самом деле Нагибин?

– Все так. Заместитель командира второй группы специального назначения. Так что, лейтенант, работаем? – офицер криво улыбнулся. – Или будешь и дальше Быстрова здесь ждать?

С одной стороны, не доверять этому старлею у меня не было оснований. В целом он сообщил несколько моментов, о которых могло знать только посвящённое лицо. Да и я далеко не такая важная шишка, чтобы похищать меня прямо с аэродрома. Кому я на фиг сдался?

– Работаем! – отозвался я, давая понять, что инцидент исчерпан.

– Вот и отлично, что разобрались, – Нагибин указал на машину. – Значит так, прямо сейчас экипируем тебя и выдвигаемся на точку, времени немного, но есть. Прыгай на заднее сиденье.

Забравшись в УАЗ без верха, я едва успел закрыть дверь, как машина сразу же тронулась с места.

– Маршрут движения каравана есть? – поинтересовался я, едва мы съехали на примыкающую к аэродрому грунтовую дорогу.

– Есть. Но, как ты понимаешь, достоверность не стопро-

центная.

– А что это за караван такой особенный?

– А этого никто не знает. Но он точно не простой. Предполагается, что там будет представитель с Запада. Грядет то ли какая-то крупная сделка по закупке оружия, то ли еще что-то. Не исключен возможный обмен данными. Наверху решили, что такую возможность упускать нельзя.

– Сколько человек участвует в операции?

– С нашей стороны две группы спецназа по восемь человек. Ну а со стороны моджахедов будет около пятидесяти боевиков, точное число неизвестно. Двигаться будут на легких пикапах, в кузовах которых установлены пулеметы ДШК или ПКМ.

Я сразу же вспомнил Сирию. В большинстве случаев, боевики различных исламских группировок использовали мощные джипы или пикапы с открытым кузовом и те же самые ДШК. Помню еще в «Химках» мы шутили, что еще немного и крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина отметит столетний юбилей. Действительно ведь, весьма удачная разработка, которая и по сей день может творить серьезные дела.

Наш УАЗ несясь вперед, поднимая за собой густые клубы пыли. От жаркого воздуха я моментально вспотел – ну а как иначе, организм перестроится лишь за неделю-две. И то, без последствий это обычно не проходит. Акклиматизацию ведь никто не отменял, и каждый организм ее переживает по-раз-

ному. Пока рано и никаких проявлений я еще не заметил.

Через несколько минут мы подъехали к двухэтажному зданию, по сути, частично обогнув аэродром по периметру. Второй этаж здания выходил на крышу соседнего одноэтажного. Крышу превратили в укрепленный пункт наблюдения. Все было накрыто маскировочной сетью, хотя я не сразу понял – для чего? Ведь у моджахедов нет авиации, про беспилотные дроны я вообще молчу – их время придет лишь через четверть века. Скорее всего, сеть тут для того, чтобы нависшие над Афганом американские спутники не снимали то, что им видеть не положено.

Наверняка там был развернут и пункт связи, по периметру была выстроена цепь, состоящая из мешков с песком. У здания стояло несколько БМП, пара УАЗов с открытым верхом. Увидел огневые точки, в одном из них торчал ствол «Утеса». Чуть поодаль, за стеной я разглядел обводы покрытого густой пылью танка Т-72. Дальше размещались открытые склады топлива, боеприпасов и различного военного имущества. Тут и там лениво бродили скучающие часовые. Оно и неудивительно, вокруг тишина. Ведь эта часть республики давно под контролем наших войск.

И тем не менее, людей на авиабазе было не так уж и много. Эх, знал бы кто, что через два года война завершится проигрышем СССР и наши войска уйдут из республики, оставив после себя настоящее богатство. А спустя совсем немного времени, гражданская война возобновится с еще большей

силой...

Покинув машину, мы с Нагибиным быстро вошли внутрь и спустились в подвальное помещение, где был организован сразу и оружейный, и вещевой склад.

– Слушай, а тебя как звать? – между делом спросил старлей. – Фамилию-то я запомнил, а имя как-то не пришлось.

– Алексей... Лехой зови, чего церемониться?

– Я Сергей, будем знакомы. Значит, смотри, сразу скажу, что ты в организации засады не участвуешь. Но, сам понимаешь, экипировку все равно нужно получить. Лично несу ответственность за твою безопасность, пока не доберемся до места временной дислокации. Кстати, стрелять-то умеешь?

Ну, ясно. Даже не знаю, какое обо мне было мнение. Наверняка что-то вроде молодого чекиста, которого прислали из Москвы, чтобы тот отличился в важном деле.

– Умею, довелось немного пострелять.

Тут я, конечно, слукавил и сильно занизил свои навыки. Прежде чем уйти в РХБЗ, я был в сухопутных войсках, а потому имел дело со всеми видами стрелкового вооружения. Особенно мне нравился АК-12, модификации две тысячи шестнадцатого года. В этой оружейке имелись АК-74 со съёмными подствольными гранатометами «Костер» и без них, модифицированные АКМ, гранатометы РПГ-7, пулеметы Калашникова и РПК. Много чего было. Склад был до самого потолка заставлен оружейными ящиками.

– Твоя задача – находиться в стороне от проведения опе-

рации. Останешься в командирской машине и будешь ждать условного сигнала. Что бы там ни произошло, не вмешивайся.

— Вообще-то, я мог бы вам помочь, — возразил я. — Могу работать с безопасного расстояния.

Конечно же, стрелять я собирался только в крайнем случае. Однако хотелось посмотреть, как работает спецназ ГРУ непосредственно в деле. Сидеть в сторонке, это не для меня.

— Леха, не стоит! — покачал головой Нагибин. — Получишь только пистолет, его будет достаточно... А-а, привет, Петрович. Сейчас он тебе выдаст все необходимое, быстро одевайся и поедem дальше. На все десять минут.

Седовласый, коротко стриженный, с двухдневной щетиной на морде прапорщик Петрович окинул меня хмурым взглядом и замер в ожидании.

Нагибин торопливо сунул ему какую-то бумажку. Тот пробежался по ней глазами, многозначительно хмыкнул и пошел рыться по своим закромам, доставая тот или иной элемент снаряжения.

Дело шло быстро. Первым делом я получил комплект какого-то костюма, странного, грязновато-песчаного цвета.

— А это что такое?

— Это защитный костюм, — пояснил Сергей. — Он легче и в нем удобнее, чем в обычной форме. Предназначение у него, правда, совсем другое. Но мы пользуемся и не жалуемся. В общем, сам смотри. Но я рекомендую.

Я повертел его в руках, развернул и присвистнул. Черт возьми, да это же легендарный КЗС и как я сразу его не признал? Он массово использовался советскими войсками в Афгане, особенно в начале восьмидесятых, несмотря на то, что и на самом деле предназначался совсем не для повседневной носки, а для защиты от вредных химических факторов.

Молча кивнул – лучше и вправду внять его совету. Бойцы спецназа куда лучше меня знают, что и как носить в жарком песчаном климате. Опыт всегда многое решает и глуп тот, кто его не уважает.

После костюма я получил хорошо знакомый многим рюкзак РД-54, новые кожаные ботинки с высоким берцем, маскхалат и разгрузочный жилет. Что касается бронежилетов, то не припомню, чтобы в Афганистане они выдавались простым солдатам. Но мне все-таки перепало, видимо, как особому гостю.

– Переодевайся и вон в то окно, получишь пистолет. Это на всякий случай.

Управился я быстро, всего за несколько минут. Благо опыт имелся, да и рука была уже набита. Из вещевого мешка перебросил вещи в РД, туда же сунул и пакет с документами. Очевидно, что большая часть из них мне не понадобится.

Когда я подошел к окну выдачи, на потертой столешнице уже лежал пистолет Макарова, с кобурой и двумя запасными магазинами.

– А почему не Стечкин? – спросил я.

– Закончились. В ведомости распишись, – пробурчал скукающий Петрович. От него несло дешевыми сигаретами и самогоном.

Я вздохнул, поставил размашистую закорючку и вернул бумажку обратно. С формальностями было покончено.

– Ну все, теперь обратно в машину и на точку. Нас уже ждут.

– Серега, а у вас перекусить, случайно, ничего нет? – поинтересовался я. Съеденное ночью поразительно быстро переварилось, поэтому бак требовал дозаправки.

– Сухой паек где-то был. В дороге перекусишь, – пообещал тот.

Как оказалось, на точку сбора мы поедем уже не на обычном УАЗе. Неподалеку от входа стоял белый, заляпанный грязью пикап «Тойота» непонятной модели, с открытым кузовом. Честно говоря, слегка удивился. Не знал, что нашими войсками использовалась подобная техника... Видимо, в исключительных случаях для специальных операций – маскировались под местных моджахедов.

– Леха, прыгай в кузов. И держись покрепче. Времени мало, поэтому поедем быстро. Дорог тут особо нет, будет трясти. Если вылетишь, кричи.

Я зашвырнул свой РД в кузов, а следом влез и сам. Осмотрелся.

Справа, в узком деревянном ящике лежало четыре одно-

разовых гранатомета РПГ-18, ласково называемых «Мухами». Рядом, валялись несколько наступательных гранат, патроны россыпью. Безалаберно, но это нормально. Все это самая обычная неучтенка.

Я присвистнул – как же все это мне знакомо. В мое время, сотрудники частных военных кампаний в Сирийско-Арабской республике в этом плане были на них очень похожи – оружия было так много, что оно валялось, как попало и где придется. Там, где идут бои, такого добра хватает.

Про сухой паек, конечно же, забыли.

Загрузившись, мы рванули с места. Сразу же поразился тактике движения – обычно колонны в Афгане двигаются медленно, чтобы заранее разглядеть впереди засаду или ловушку и вовремя остановится. А здесь, водитель, несмотря на кочки и ухабы, разогнался примерно километров до восьмидесяти и пытался сохранять ее на протяжении всего пути. Чтобы не попали. Самое эффективное средство для поражения легкой техники, это гранатомет. А их у моджахедов было полно.

Само собой машину при таком экстремальном вождении трясло так, что несколько раз я едва не вылетел из кузова. Пришлось вцепиться в борта, да так и сидеть.

Пыль. Повсюду была пыль.

За машиной неслись густые клубы поднятой пыли – главный демаскирующий признак. Дым видно издалека, а значит, можно заранее просчитать примерный маршрут и устро-

ить засаду. Впрочем, эти территории под контролем ОКСВ, так что все нормально.

Пока ехали, я обращал внимание на то, что вдоль дороги полно различного мусора, местами попадались ржавые остовы старых искореженных машин, рваные покрышки, гнутые бочки.

Большая часть территорий республики Афганистан – это горная или предгорная местность. Лишь на западе попадались участки холмистой равнины. Дорога была не слишком живописной, везде все одно и то же. На юго-востоке горы, далеко на севере горы... Вокруг сухая земля, по которой ветер гонял сухую пыль. Кое-где дорога проходила через брошенные или разбомбленные населенные пункты, попадались разрушенные строения и даже целые аулы.

Унылое зрелище. Так вот он какой, Афганистан. Бедная земля, на которой еще не скоро воцарится спокойствие. А что касается южной и центральной части, то об этом я не знал практически ничего. Как-то не возникало у меня интереса изучать историю Афганской войны.

Весь путь длился где-то минут сорок. Вскоре водитель начал сбавлять ход. Выглянув из кузова, я заметил, что мы подъезжаем к небольшому укрепленному аванпосту, с несколькими огневыми точками. Справа я заметил три тендерированных грузовика «Урал», пару БТР-70 и один УАЗ. При нашем появлении на аванпосте тут же оживились. Показались бойцы.

Водитель дал по тормозам, чем поднял еще больше пыли.

– Поезд дальше не идет, просьба покинуть вагон! – Нагибин выбрался из машины и поинтересовался: – Ну как, нормально?

– Бывало и хуже! – отозвался я, едва разжав пальцы. Я так крепко держался за борта пикапа, что мышцы одеревенели. Пришлось разминать.

Спрыгнул на землю, прихватил рюкзак.

Заметил, что от шлагбаума к нам идет офицер в звании майора. Сразу видно, командир группы. Крепкого телосложения, подтянутый. Возраст – около сорока. Лицо предельно серьезное – очевидно, человек дела. Кого-то он мне напомнил. Лицо очень знакомое, да и фигура тоже...

Черт возьми, да это же отец Антона Ветрова, моего друга и по совместительству заместителя РХБЗ группы. Там, в Сирии, когда меня пристрелил предатель капитан Гнездов, он оставался у машины... Неизвестно, чем тогда все закончилось. Вот так совпадение...

Экипировка у майора такая же, как и у Нагибина. По карманам разгрузки напиханы магазины для Калашникова, на поясе кобура с торчащей рукояткой пистолета Макарова. За спиной приклад автомата.

– Лейтенант Савельев? – с ходу спросил он.

– Он самый, – кивнул я. – Здравия желаю, товарищ майор!

– Здравия, – сухо кивнул он, протянув жесткую ладонь. – Командующий второй группы майор Ветров. Наслышан, но

думал, ты будешь постарше. Ладно, сразу предупреждаю – ты в моем подчинении, никуда без моего приказа не лезть. Здесь идет война, пуля может прилететь откуда угодно. Пока ты здесь, одна из наших второстепенных задач – твоя безопасность. Команду я получил напрямую из штаба. Москва просила лично проконтролировать. Поэтому никуда без моего разрешения не лезть! С этим все понятно?

– Товарищ майор... – сдержанно возразил я. – Москва Москвой, но, несмотря на возраст, я не тот, за кого вы меня приняли.

– И за кого же я тебя принял? – хмыкнул Ветров. У него во взгляде появился некий интерес.

– Не знаю. Но уж точно не тот, кто сидит за спинами бойцов, ожидая, когда они сделают всю грязную работу. Я руки запачкать не боюсь. Выдайте мне хотя бы СВД, с расстояния ваших парней прикрою.

Повисла пауза. Нагибин неожиданно закашлялся.

– Ага... – усмехнулся майор, окинув Сергея укоризненным взглядом. – Будем считать, что мы друг друга поняли. Сейчас я вкратце обрисую тебе дальнейший план действий, чтобы ты понимал, что нам предстоит сделать. Разведка докладывает, что интересующий нас караван два часа назад двинулся вниз по Панджшерскому ущелью. Маршрут сложный, проходит в стороне от основного пути большинства караванов. Наших постов там нет, место не контролируемое. Скорость движения медленная. Почему идут там – неизвест-

но. Скорее всего, где-то будет организована встреча. Это уже говорит о том, что идущий караван – непростой. Там будет не только оружие. Так, Михайлов, карту сюда!

Подбежал экипированный боец, расстелил на горячем, пыльном капоте «Тойоты» мятую карту.

– Значит так, караван будет проходить вот в этой точке, никаких населенных пунктов здесь нет, – он указал пальцем на тонкую желтую линию. – Первая группа из восьми человек уже там, минирует ущелье. Снайпер на месте, обстановка контролируется. Прямо сейчас выдвигаемся туда и организовываем засаду. Ехать предстоит минут двадцать. Конечно, вертушкой было бы куда быстрее и проще, но так мы привлечем к себе ненужное внимание. Те горы справа буквально кишат моджахедами. Действовать придется быстро и тихо. Во время боя не высовывайся. Как только операция завершится, быстро осматриваешь караван, берешь то, что нужно. Затем ноги в руки и сматываемся оттуда! Вопросы?

– Вопросов нет.

– Хорошо.

Пока мы разговаривали, подъехал еще один пикап с пулеметом ДШК на треноге. Очевидно, что трофейный. В него уже погрузили оружие и боеприпасы. Рядом с машинами стояли несколько хорошо экипированных и вооруженных бойцов. Сразу видно, что это не солдаты срочной службы – возраст уже не тот. Каждый был прекрасно подготовлен. А как иначе, в спецназ ГРУ кого попало не берут.

– По машинам! – скомандовал Ветров, забираясь в кабину головной машины.

Мы с Нагибиным и еще парой бойцов загрузились в пикап. Тронулись в путь. Двигались быстро. Дорога шла через горную местность, и поднятой от машин пыли здесь было куда меньше. Воздух был сухой, отчего в носу постоянно присутствовало неприятное ощущение. Песок скрипел на зубах.

– Вода есть? – спросил я у бойца рядом. Заметил, что погон у них не было. Еще одна особенность. Определенно, все в звании не ниже прапорщика.

Тот кивнул и протянул мне флягу.

Внутри оказалась прохладная вода, с легким привкусом алюминия. И ничего страшного в этом нет, если ее не нагревать. Но даже тогда отнюдь не смертельно.

Слегка утолив жажду и прополоскав рот, вернул флягу обратно.

Из-за движения и шума ветра говорить было неудобно, да и честно говоря, не о чем. Заводить себе здесь друзей я не собирался – ни к чему это.

Через двадцать минут прибыли на место. Дорога шла по низине ущелья, которое в прямой видимости было завалено камнями. Судя по всему, ранее здесь тоже могли ходить караваны, пока не случился обвал.

– Выгружаемся! – Ветров уже осматривал местность. – Так, вон ту тропу видите? Нам туда. Метров триста вперед, там наши.

– Эй, Леха! – окликнули меня.

Резко обернувшись, я увидел Серегу Нагибина со снайперской винтовкой Драгунова в руках.

– Умеешь управляться? – поинтересовался он.

– Разберусь, – улыбнулся я. – Это мне?

– Ты ж сам просил... Вот Ветров и распорядился.

Я с гордостью принял винтовку. Грациозная вещь, созданная гениальным конструктором, чтобы забирать жизни врагов... К счастью, у меня их пока не было!

Глава 4. Засада

Хорошая все-таки вещь «плетка».

Ее конструктор, Евгений Федорович Драгунов, постарался на славу. Его детище с достоинством прошло половину военных конфликтов второй половины двадцатого века и начала двадцать первого.

Я повторно сдул с винтовки пыль, осмотрел оптику, затем вновь прильнул к прицелу. На горизонте – ничего.

Заняв удобную позицию за камнями и тщательно замаскировавшись, я уже не знал, чем себя занять. Лежал я тут уже минут пятьдесят, а ровным счетом, ничего не происходило. Ожидание затянулось. Время шло, а караван по неизвестной причине задерживался, что волновало не только меня, но и всю остальную группу. Тем не менее нам не оставалось ничего другого.

Вообще, место было подобрано весьма удачно – сразу видно, что этим занимались толковые люди. Ущелье в этом месте было в виде неровной подковы. С обеих сторон шли скалы, спуститься по которым было весьма непросто. Справа и слева вдоль извивающейся дороги лежали огромные валуны, камни. Спрятать там мину было несложно, что и организовали люди Иванова. Стрелковых позиций было много, прикрытий тоже. Обзор хороший. Проблема была только в том, что точка для отхода была всего одна – извивающаяся горная

тропка, длиной в пятьдесят с лишним метров. Если ее перекрыть, то мы окажемся в мешке, где нас просто перестреляют, как мишени в тире.

Место, где я разместился, тоже оказалось весьма удачным. Сверху нависал небольшой уступ, справа и слева почти сплошной отвесный склон. Добраться до меня можно было только снизу, но и там была небольшая насыпь и камни.

Посадили меня сюда неслучайно – мое участие в операции было чисто условным. Хоть майор Ветров и пошел на уступки, тем не менее, я был на некотором удалении от места засады в относительной безопасности.

Позицию определил боец майора Ветрова – опытный специалист, тоже вооруженный СВД, занял аналогичную точку наблюдения, только с противоположной стороны ущелья. Я различал его с трудом – в маскхалате соответствующей расцветки разглядеть его было непросто. Снайпер свое дело знал хорошо. В спецназе ГРУ вообще плохих бойцов не было – наглядно убедился, пока шла организация засады. Все опытные специалисты, за плечами которых не один боевой выход. Почему-то вспомнил статистику – за все время Афганской войны у них были заметные потери – специальные операции далеко не всегда заканчивались успешно. Случались и проколы.

Каждый был винтиком в одном сложном механизме. Все были задействованы, каждый знал поставленную задачу и не путался под ногами. Вот это и отличало простое пушечное

мясо из плохо обученных срочников, от подразделений специального назначения.

После объединения с первой группой, которая непосредственно перед нашим приездом уже успела заминировать дорогу, майор Ветров принял командование операцией. Они с капитаном Ивановым быстро распределили бойцов по укрытиям, закончили последние приготовления к встрече гостей. Оставалось только ждать.

Поверх КЗС мне тоже пришлось нацепить довольно плотный маскхалат. Хорошо хоть в горах было не так жарко, как на самом аэродроме, иначе бы я давно взмок от пота.

Согласно разработанному плану, как только первая машина поравняется с точкой соприкосновения, сапер дистанционно приводил мину в действие. В другом случае, первая машина должна сама наехать на мину. Если это произойдет, обе группы, пользуясь фактором неожиданности, одновременно вступали в бой. Также дистанционно подрывалось второе взрывное устройство позади колонны, но это такое себе. Место было определено лишь приблизительно, потому что полного состава каравана мы не знали.

Пленных брать задачи не было, тем более моджахедов, но если таковые будут, то с ними решать по обстоятельствам. Задача простая – закончить операцию как можно быстрее, провести обыск и свалить отсюда, пока не подошло случайное подкрепление. В близлежащих районах, особенно в основном ущелье в полукилометре отсюда, было несколько

гнезд бандформирований, которые после первого же выстрела наверняка выдвинутся разбираться, что тут произошло. Бой мог затянуться и тогда мы оказались бы в очень невыгодном положении. Само собой, такой сценарий нас не устраивал. Именно поэтому, в нашем распоряжении условно было не более пятнадцати минут.

Все четыре пикапа люди майора тщательно замаскировали на подходах, скрыв их от чужих глаз в своеобразном тупике, за тропой. Если все пройдет хорошо, сразу по окончании, мы просто уберемся отсюда, обратно в Мазари-Шариф, причем той же дорогой. Ну а если нет...

Лежать на животе было неудобно, но выбирать не приходилось. Время шло, а ничего не менялось. Самое худшее в таких делах – это ожидание. Каждый по-разному коротал это время, но при этом не расслаблялся ни на минуту.

Обратил внимание, что рядом, по большому плоскому камню ползет какое-то странное насекомое, похожее на муравья, но с паучьими лапами. Таких представителей я еще не встречал, поэтому и заинтересовался.

Словно почуяв опасность в моем лице, он остановился, затем шустро засеменил куда-то влево, стараясь быстрее скрыться из виду. Я проводил его глазами, а когда обратил внимание на дорогу, увидел вдалеке какое-то движение. Понимался шум.

В крови тут же скакнул адреналин. Сердце забилось быстрее.

Я мгновенно прильнул к оптике.

Ну, точно... Из-за большого уступа показался неторопливодвигающийся караван, который мы так долго ждали. Расстояние примерно метров триста, может, чуть меньше – оно потихоньку сокращалось. Караван двигался медленно, средняя скорость не более тридцати километров в час. Ехать быстрее по такой дороге было не самым лучшим решением.

Первым шел черный пикап «Тойота», с моджахедом за пулеметом в кузове. Пулеметчик был с головы до ног облачен в тряпки. Сверху грязная клетчатая арафатка, черная рубаша, шаровары... В оптику все хорошо видно – и все же только по фигуре и было понятно, что это мужчина. Там же в кузове пикапа сидели еще двое моджахедов, с автоматами Калашникова в руках. Лица у них также были скрыты платками.

За первым пикапом показался второй, потом третий. Через треть минуты я насчитал уже пять машин. В середине колонны шел давно устаревший ГАЗ-63, сразу за ним его более современный собрат ГАЗ-66. Где они раздобыли советскую технику, меня не удивило – через страны, с которыми, так или иначе торговал СССР. Да и мало ли куда и как могла быть перепродана списанная техника?

Ладони вспотели, быстро вытер их прямо о маскхалат.

Затаив дыхание, продолжил наблюдение.

Спустя минуту я насчитал семь пикапов, из них три с пулеметами, три грузовика и даже одна грязная, покосившаяся УАЗ «буханка». Она замыкала колонну и выглядела со-

всем печально. Моджахедов было около сорока человек, но это только из числа тех, кто был снаружи. Что было в грузовиках, можно только догадываться.

До заминированного участка дороги оставалось метров пятьдесят. Впереди был прямой участок дороги, и вполне ожидаемо, что караван должен был ускориться, но этого не произошло. Краем глаза заметил, что наши зашевелились. С минуты на минуту начнется мясорубка.

Я облизнул сухие губы. Сейчас бы прохладной воды хлебнуть, но это потом. У меня и фляги-то с собой нет.

Расстояние все меньше и меньше. Еще немного и пикап налетит на мину.

Но за пару десятков метров до этого, пикап практически сбавил скорость, а затем и вовсе остановился. Оба моджахеда, что сидели в кузове, спрыгнули на землю и держа автоматы наготове, сделали несколько шагов вперед и тоже остановились. Принялись осматриваться по сторонам. Пассажир тоже приоткрыл дверь, но вылезать не стал.

Само собой, вся колонна тоже остановилась. Боевики начали выбираться наружу.

Я отстранился от прицела – что за ерунда? Почему они встали? Неужели что-то заподозрили? Но они не выглядели встревоженными, скорее всего, причина была иной.

Тем временем из грузовиков выбралось еще несколько человек и таким образом число боевиков подползло к полусотне. Черт, это уже немало. Они постепенно разошлись в

разные стороны, держа оружие наготове. Все это выглядело странно, но пока еще сложно было делать какие-то выводы. Создавалось впечатление, будто бы эта остановка была запланирована заранее. Над ущельем повисла тишина, лишь были слышны отдельные фразы на непонятном языке.

А затем я услышал еще какой-то посторонний, быстро приближающийся звук. Не прошло и двадцати секунд, как с противоположной стороны ущелья, внизу, буквально в нескольких метрах от меня показался одинокий пикап, тоже черного цвета. Он был один, вооружения я не заметил. Окна закрыты, стекла заляпаны грязью. А это еще кто такие?

Выглядело так, будто...

Черт возьми, у них тут что, место встречи запланировано? Так, вот это неожиданность! Майор Ветров ошибочно посчитал, что встреча уже состоялась ранее, а потому дальше караван будет двигаться без остановок. Разведка просчиталась и первоначальный план вновь пошел под откос...

Теперь нужно наблюдать. Попытаться понять, с кем будет встреча. А уже когда она состоится, только потом начинать операцию... Или...

Именно так и получилось. Черный пикап, в котором сидели неизвестные, неторопливо двигался вперед, точно к остановившемуся каравану и внезапно... правым передним колесом наехал на мину. Тут же оглушительно грохнуло – переднюю часть машины подкинуло в воздух чуть ли не на метр, только мелькнуло оторванное колесо. Все затянуло ды-

мом и пылью.

Моджахеды тут же схватились за оружие, принялись растерянно озираться вокруг, не понимая, что произошло. П слышались крики, вопли.

А дальше, буквально через пару секунд подключились ребята спецназа ГРУ, уже заранее определившие себе цели. Сработал фактор неожиданности – более полутора десятков боевиков попадали на камни, сраженные меткими выстрелами. Буквально со всех сторон загремела плотная стрельба, однако, несмотря на преимущество, у Ветрова было слишком мало сил, чтобы успешно поразить все цели. К тому же, спецназом использовалось только огнестрельное оружие, гранатометы не применяли по понятным причинам – в любом из транспортных могло находиться то, ради чего и была организована вся эта операция.

Грохнула граната. Где-то слева – еще одна. Все заволкло белым дымом.

Моджахед-пулеметчик на первом пикапе, прикрываясь защитным щитком, принялся хаотично отстреливаться во все стороны. ДШК бил тяжелыми гулками очередями, но толку от этого было мало. Водитель пикапа попытался объехать объятую дымом, подорвавшуюся на mine машину и у него это вполне могло получиться – за ним тронулись бы и остальные. Быстро сориентировавшись, я попытался вывести из строя водителя, трижды вдавил спусковой крючок, но тщетно. Лобовое стекло оказалось бронированным. Тогда я

принялся бить по передним колесам, благо обзор позволял.

Дважды повторил.

Потом еще.

Сухо щелкнуло – сам не заметил, как выстрелял весь магазин.

Оказалось, что поставленной цели я достиг. На простреленных шинах, да по неважной горной дороге далеко не уедешь. Так и вышло – осознавший этот факт водитель, схватившись за автомат, выскочил наружу, но был сражен шальной пулей. Следом за ним, точным выстрелом в голову достали и пулеметчика. Вся остальная колонна тоже выглядела неважно – тут и там валялись трупы боевиков, разбросанное оружие, гильзы. Пара машин еще пыталась выбраться, но тщетно. Активированный где-то в конце ущелья дистанционный заряд не дал возможности отойти технике назад. Случился небольшой обвал, преградивший путь к отходу.

Вдруг в центре колонны оглушительно рвануло. Кузов ГАЗ-63 объяло облако дыма и пламени. Кажется, внутри что-то взорвалось. Из кузова, с истошными криками выскочил объятый пламенем человек, пробежал несколько метров и рухнул на землю. Потом еще один.

Скорее всего, какой-нибудь сраженный пулей боевик готовился бросить гранату, да так и не смог этого сделать, тем самым подорвав себя, а заодно и весь грузовик. Наверняка внутри были боеприпасы.

Перестрелка все еще шла – немногие уцелевшие попрята-

лись за техникой, откуда достать их было непросто. Время неумолимо шло и нужно было заканчивать как можно скорее, иначе на помощь боевикам явится кто-нибудь еще.

— Первая группа, заходите с правого фланга, по уступу! — над ущельем прокатился крик Ветрова. — Вторая группа, обеспечить прикрытие!

Полетела пара дымовых шашек.

Прятавшиеся за камнями бойцы спецназа рванули вперед, стараясь как можно быстрее преодолеть расстояние от обочины до брошенных машин. Действовали грамотно — одни прикрывали, другие умело перебежали от укрытия к укрытию. Работали быстро, профессионально.

Снова загремела стрельба.

Что касается меня, то стрелять по людям желания не было, тем более парни Ветрова и сами хорошо справлялись. К тому же, это не моя война. Как ни крути, а ведь это Советский Союз пришел на эту землю и здесь был весьма спорный момент относительно целесообразности. А вообще, мне просто не хотелось лишний раз проливать чужую кровь. Однако при этом я отлично понимал, что противник на моем месте не был бы столь категоричен и наверняка воспользовался бы подвернувшейся возможностью. В конце концов, я прилетел сюда не для того, чтобы стрелять по боевикам...

Тем не менее через прицел я продолжал следить за ходом операции и, пусть и урывками, но видел практически все, что происходило в ущелье.

Вдруг в мой прицел попал закутанный в черное моджахед, спрятавшийся чуть в стороне. Он как раз высунулся из-за камня и собирался выстрелить в спину отвлекшегося на другого противника Сереги Нагибина. Тут уже не до моральной составляющей... Без раздумий я выжал спусковой крючок.

Пуля попала точно грудь противника. Тот успел что-то вскрикнуть, затем выронил автомат и сполз по камням. Затем, пришлось повторить и снять еще одного – тот готовил к бою «муху».

С одной стороны, я пошел против своих принципов, с другой – помог своим. Как бы мне ни хотелось остаться не при делах, я понимал, что моджахеды – это враги, но я считал зазорным сидеть в безопасности и бить издалека. А рисковать лишний раз с автоматом в руках – нет уж, не теперь. Меня дома семья ждет, она вообще не знает, где я и что со мной. Понятно, что и у других семьи, но я уже давно жил по принципу – думай только о родных. Судьба сама разберется. Я изначально намеревался только наблюдать, тем более от меня даже этого не требовалось...

Конечно, насчет судьбы смешно получилось. Это сказал человек, который изменил ту самую судьбу электростанции, целого города и района. А может, и всего СССР.

Через несколько минут все было кончено.

Над ущельем повисло облако сизого дыма, ощутимо воняло жженым металлом, пороховыми газами. Воцарилась тишина, лишь кое-где слышались короткие переговоры от бой-

цов спецназа. Некоторые добивали раненых.

– Савельев, твой выход! – скомандовал Ветров.

Я тут же стащил с себя маскхалат и закинув винтовку за спину, рванул к разгромленному каравану. Спускаться по каменной насыпи было неудобно, поэтому пару раз я чуть не шваркнулся.

Картина впереди была эпичной – от горящего грузовика в небо поднимался столб черного дыма – сильный демаскирующий признак. Видно издалека, а значит, скоро здесь будут гости. Тут и там в хаотичном порядке стояли изрешеченные машины, валялись трупы, повсюду гильзы, кровь.

К счастью, с нашей стороны погибших не было, только трое раненых. Им уже оказывали первую медицинскую помощь.

Не теряя времени, первым делом я бросился к осмотру техники. О, если бы я еще знал, что именно мне искать... Теоретически, это могли быть любые чемоданы, папки с документами, кейсы...

Бойцы, добив раненых, оцепили место, внимательно глядя по сторонам – теперь опасность могла прийти откуда угодно и нужно быть начеку.

Я начал с ближайшего ко мне пикапа, что первым налетел на мину. После взрыва, ни о каком продолжении движения не было и речи – одно колесо оторвало напрочь, а что там творилось под днищем, можно было только гадать. И как машина вообще не взорвалась? К счастью, на дороге и закла-

дывали не противотанковую мину, а что-то попроще.

Двери машины были распахнуты, рядом лежало окровавленное тело водителя. Во многих частях корпуса были видны дыры от пуль – все-таки калибр семь и шестьдесят два страшная вещь. Кто-то говорил, что пуля из старого Калашникова может перешибать рельсу. Не знаю, насколько это правда...

Заглянув внутрь салона, я увидел еще двух мертвецов – оба были в странной военной форме, и на наших солдат они совершенно не были похожи. Да и огнестрельное оружие оказалось совсем не советским – легкоузнаваемые американские M-16A1. Про морды пассажиров и водителя я вообще молчу – типичные пиндосы. А вообще, черт его знает, кого сюда принесло...

Дерьмо, какого черта здесь забыли американцы? Нет, так-то я прекрасно знал, что на протяжении всей Афганской войны, они активно поддерживали оппозицию, тренировали боевиков и в большом количестве поставляли им оружие.

Но почему здесь только одна машина? Где прикрытие, где нормальная охрана? Подставились как-то совсем глупо. Ну, понятно, на то такие операции и разрабатываются, чтобы застать потенциального противника врасплох. Но зачем им так рисковать? Я мог бы объяснить это лишь по одной причине – для них встреча тоже оказалась незапланированной и произошла не так, как планировалось изначально.

В салоне ничего интересного я не нашел. Да и в багажни-

ке, кроме кучи хаотично наваленного оружия, тоже ничего существенного не было. Бросился к другой машине. Там тоже ничего.

Рванул к следующей. Ветров и Нагибин ходили следом, помогая осматривать изрешеченную технику. Это только в американских боевиках показано – как транспорт ни обстреливай, а пули рикошетят даже от простого пластика. На деле же картина была абсолютно иной – часть машин в решето. Сплошные рваные дыры. И повсюду кровь.

Я насчитал сорок четыре труп. Из-за фактора неожиданности и того факта, что большинство моджахедов были на открытом пространстве, получилось так, что первыми же залпами сразили чуть ли не половину всех противников.

Осмотрев все легковые машины, я перешел к грузовикам. В горящий ГАЗ-63 можно было даже не соваться. Если бы там что-то и уцелело после взрыва, оно уже сгорело, тушить бессмысленно, да и нечем. А вот «шестьдесят шестой» оказался практически целым и весьма интересным. Внутри были ящики с НАТОвским оружием, станковые минометы, ящики с минами и еще какой-то хлам.

Все это, конечно, круто – мы пресекли что-то незаконное, что точно не пошло бы на пользу советским войскам. Думаю, что и сам товарищ Черненко плохо понимал, что именно тут было запланировано.

Эх, знать бы еще то, что на самом деле знал он. Ведь не просто же так Алексей Владимирович так ухватился за эту

соломинку и отправил именно меня... Что у него, других доверенных лиц нет? Есть, конечно же. Быть может дело в том, что он никому не доверяет после предательства Пономарева?

– Все не то... – процедил я, глядя в открытые ящики. – Здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать КГБ!

При этих словах Нагибин окинул меня слегка удивленным взглядом, но я не обратил на это никакого внимания. Остался последний транспорт – старый побитый УАЗ. Кстати, во время штурма, машина попыталась сдать задом, но водитель что-то не рассчитал и задние колеса попали в глубокую яму, откуда машина уже не смогла выбраться.

Едва я подошел к дверям, как изнутри раздался какой-то подозрительный шум.

– В сторону! – рывком я, одновременно падая на землю и выхватывая пистолет. Ветров и Нагибин едва успели отпрянуть, как из машины раздалась автоматная очередь. Пули прошли тонкий металл, просвистев над нашими головами.

Старлей выругался и тут же вскинув свой Калашников, дал длинную очередь, перечеркнувшую весь кузов «буханки».

Повисла тишина. Изнутри раздался сдавленный стон.

Ветров зашел чуть левее, знаком показал открыть дверь.

Поднявшись, я осторожно протянул руку и рывком дернул правую дверь на себя. Та с грохотом распахнулась и в глубине машины я увидел человека в афганской одежде. На

моджахеда он похож не был.

Человек явно был ранен и попытался вновь воспользоваться автоматом, но не сумел – рука у него в двух местах была прострелена.

– Брось! Брось оружие! – потребовал я, взяв «стрелка» на прицел.

Тот, с перекошенным то ли от боли, то ли от ненависти лицом, не только понял, но и подчинился. Раненая рука отпустила Калашников, а другая медленно поднялась вверх.

– Надо же, чуть не продырявил! – проворчал Ветров, заглядывая внутрь. – Молодец, лейтенант, хороший слух. Так бы он нас троих на тот свет отправил.

– Вылезай! – крикнул Нагибин, открыв боковую дверь. – Ну, живо!

– Не стреляйте...

Так и оказалось, это был не афганец. По крайней мере, он не только понимал, но и говорил по-русски, причем без какого-либо явного акцента.

К раненой руке на цепи у него был пристегнут среднего размера серебристый кейс. Не нужно быть гением, чтобы понять – ради него меня сюда и отправили. Такое просто так не пристегивают к человеку и не отправляют, не пойми куда. Что же там такое, что чемодан пришлось цеплять к курьеру?

– Ты русский? – спросил я.

Тот неопределенно качнул головой, буравя меня странным взглядом. Что-то мне в этом взгляде не понравилось.

А в следующую секунду, тот вдруг произнес:

– Я тебя узнал... Ты был на станции?

Еще не поняв смысла вопроса, я замер в нерешительности. А тот вдруг резко потянулся к поясу и совершил какое-то непонятное действие. Одновременно, старший лейтенант Нагибин ухватил меня за руку и резко оттолкнул в сторону, повалив на землю. Я еще успел расслышать крик Ветрова, растворившийся во внезапно раздавшемся гулком взрыве...

Глава 5. Мясорубка

– Лейтенант! Савельев, давай, давай... – откуда издалека раздался приглушенный голос. – Ну! Приходи в себя!

Я почувствовал, как по щекам шлепнули пару раз. Затем через несколько секунд под нос сунули нечто твердое с сильным резким запахом...

Ну, конечно же, нашатырь. Тот, кого хоть раз приводили в чувство стеклянным пузырьком с нашатырем, никогда этого не забудет.

С трудом приподнял голову, кое-как осмотрелся. Осознал, что лежу у края ущелья, весь в пыли. Рядом возился медик, копаясь в своей аптечке. В районе правого предплечья расплзлось небольшое кровавое пятно, но ощутимой боли я пока не чувствовал. Так, что-то слегка тянуло.

– Я что, помер? – первым делом спросил я. – Сколько прошло времени?

– Да пока не помер! – небрежно хмыкнул майор. – Пара минут. Тебя контузило слегка и осколком чуть ниже плеча зацепило. Хорошо, что Нагибин тебя в сторону оттолкнул. Ты зачем впереди нас полез? Героем решил стать?

– Некогда было разбираться, – отозвался я. – Кто ж знал, что в «буханке» будет такой сюрприз! Да какая разница теперь-то... Нагибин жив?

– Жив. Но без сознания. Хорошо еще, что взрывное

устройство маломощное было, иначе костей бы не собрали.

– Выходит...

– Эта гнида с поясом шахида была! И ведь, черт возьми, наш человек был... По-русски понимал и говорил.

– Это был свой?

– Нет! – жестко ответил Ветров. – Это мог быть кто угодно. Все, хватит разговоров.

После взрыва самодельного взрывного устройства, меня перенесли левее, в тень. Рядом сидели и другие бойцы, раненые в ходе боя, к счастью, у всех ранения были легкие. И лишь старший лейтенант Нагибин без движения лежал на импровизированных носилках. Мы готовились к отходу.

– Где кейс? – спросил я, озираясь по сторонам.

Ветров небрежно махнул рукой в сторону.

– Там! Некогда мне за этим дерьмом следить! Группа, внимание, готовность три минуты и выдвигаемся, здесь небезопасно. Мы и так слишком задержались, рискуем попасть в засаду.

Среди камней лежал серебристый чемодан, со все еще пристегнутой к нему оторванной рукой смертника. Чуть дальше стоял «УАЗ» с открытыми нараспашку дверьми, а рядом с ним останки того, что ранее было человеком. Неприятное зрелище.

Да-а, со смертниками я даже в прошлой жизни еще не сталкивался. В Сирии, где мусульманину убить себя, при этом забрав жизнь неверного – чуть ли не подвиг, подобное

встречается повсеместно, но меня, к счастью, обошло стороной.

До валяющегося среди камней и покрытого пятнами крови чемодана никому не было дела – часть бойцов оказывала медицинскую помощь, другая стояла в оцеплении и следила за периметром. Их это вообще не касалось, они свою работу сделали как надо.

С трудом поднявшись на ноги и наспех стряхнув с формы светлую пыль, пошатываясь, я направился к чемодану. Вытащив руку из цепи, отшвырнул ее в сторону. Сам кейс при взрыве почти не пострадал, так – несколько царапин на корпусе.

– В «буханке» больше ничего ценного не было, – заявил майор. – Так что, полагаю, задача выполнена. Что бы ни было в этом кейсе, твоя задача – доставить его на базу. А там уже саперы придумают, как его вскрыть и отправить в Москву. В столицу ты его повезешь?

Но я лишь пожал плечами. На этот счет никаких инструкций не было, ведь с Быстровым я так и не встретился.

Честно говоря, сейчас меня волновало совсем не это! Я думал о последних словах смертника перед тем, как он подорвал себя – кем бы он ни был, он определенно меня знал. И это было странно, ведь его лицо не казалось мне знакомым. Более того, где-то внутри меня повисло странное ощущение, что его слова имеют какой-то смысл... Но откуда он мог меня знать?

Я сдул пыль с серебристой поверхности чемодана, повертел его в руках. Попытался открыть, но ничего не вышло. На нем был кодовый замок и, само собой, правильного кода я не знал. Замок вроде бы простой, без наворотов. Но вскрывать его силой, тем более в таких условиях, не стоит. Вдруг внутри установлено взрывное устройство, чтобы содержимое не попало к тем, кому оно не предназначено? Конечно, распилить чемодан на части было бы несложно, но только не в сложившихся условиях и непременно при участии опытных саперов.

– Все, уходим! – решительно скомандовал майор.

Бойцы один за другим покидали позиции и поднимаясь вверх по тропе. Раненых тоже понесли к тропинке, что вела через небольшой перевал к замаскированным внизу машинам. Там быстро загрузимся и свалим отсюда – как-то слишком тихо было в ущелье. Чуйка не давала мне расслабиться, я все время озирался по сторонам. Только бы не наткнуться на неприятности. Но судьба распорядилась так, что эти самые неприятности нашли нас сами...

Едва мы успели подняться на десяток метров вверх, как вдруг сзади раздался истошный крик:

– Тревога, духи!

И в этот момент откуда-то сверху раздалась автоматная очередь, по камням защелкали пули, осколки каменной крошки брызнули в лицо... Я тут же бросился на землю, сверху навалился кто-то из бойцов. Послышалась ответная

стрельба.

Петляющая тропа была узкой, даже разойтись было сложно. Как тут отстреливаться? Мы у всех на виду, как пластиковые мишени в тире. Вокруг продолжали щелкать пули, одна высекла крошку буквально у моего уха.

Люди Ветрова дружно открыли беглый огонь, потихоньку продолжая отходить вверх по горной тропе. Куда делась моя СВД после взрыва самодельного взрывного устройства, уточнять было уже поздно. А от пистолета Макарова на таком расстоянии не было никакого толка.

Продвижение сильно замедлилось. Часть засела наверху, часть, как и я, оказалась зажата за камнями. Чем дольше мы находились в таком положении, тем больше духов вливалось в бой.

– Савельев! Сюда! – крикнул Иванов. Капитан оказался выше по тропе метров на пять, среди россыпи огромных валунов.

Вокруг гремела позиционная стрельба, что, естественно, нас не устраивало. Чем дальше мы тут находимся, тем сложнее будет выбраться из кольца. С каждой минутой здесь становится все больше моджахедов. Эта территория не контролируется ОКСВ, а значит, и помощи ждать неоткуда. Вертушки сюда не прилетят, их даже вызвать не получится. Да и опять же, с Баграма им лететь около часа, за это время нас на котлеты разберут.

Используя попадающиеся по пути укрытия, я рванул

вверх. Где-то пришлось прижиматься к камням вплотную, где-то ползти на животе. Минуты через три я добрался до верха, где уже вовсю работал наш снайпер, а сам Ветров лег за пулемет. Позиция у него была хорошая, с одной стороны его прикрывал уступ, с другой – большой валун.

Внизу, в небольшом каменном мешке, уже стояли машины, на которые грузили раненых. Я устремился вниз, таща за собой чертов чемодан. Метров за тридцать я оступился и едва не полетел вниз. И как оказалось, не зря.

Откуда-то сверху раздался хлопок и шипящий свист. Краем глаза различил дымный след от реактивной струи, в сторону ближайшего пикапа, где стояли ящики из-под нашего оружия. Оглушительно рвануло, машину объяло пламя. Меня обдало волной плотного жара. Сидевший внутри водитель погиб на месте, кажется, другим тоже досталось.

– Суки! – яростно заревел майор, увидев объятый пламенем пикап. – Васильев, сними гранатометчика!

Снайпер среагировал мгновенно – принялся искать позицию противника.

Это был несложно – вокруг одни скалы, все на виду. Особо и не спрячешься – да и моджахед с трубой гранатомета РПГ-7 на плече, прятаться явно не собирался. Мгновение и он полетел вниз, выронив гранатомет.

– Живо на машины и уносим ноги отсюда!

Дальше все завертелось безумной каруселью. Боевики лезли изо всех щелей, словно тараканы. Стреляли, стреляли,

то и дело мазали.

Одни падали, но на их месте появлялись другие. Со всех сторон гремело, слышались крики. Взрывы. Наверное, спасало нас то, что навыки стрельбы у большинства духов были слабыми...

Отходить в таких условиях было очень тяжело, но у нас немислимым образом это получалось. Однако нашим бойцам просто не хватало стволов, чтобы держать духов на нужном расстоянии. Мы были на дне небольшого ущелья, сначала стреляли с одной стороны, потом уже с двух.

Иванов швырнул пару дымовых шашек, чтобы хоть как-то прикрыть наш отход. В общем-то, немного помогло.

Прямо на бегу краем глаза я видел, как двое бойцов Ветрова упали, сраженные случайными пулями. Подобрал чей-то автомат и выстреляв десяток патронов, я буквально залетел в кузов, перевалившись через борт. Швырнув в угол проклятый чемодан, я прижался к борту. Внутри кузова уже лежал снайпер Васильев и прямо из положения лежа, бил из своей винтовки по духам, что бегали между камнями.

– Савельев, хватай пулемет! – крикнули мне.

Рядом в открытом оружейном ящике действительно лежал ПКМ с темно-зеленым коробом на двести патронов. Судя по положению ленты, он был готов к стрельбе.

Подняв его и уперев в борт, я открыл огонь короткими очередями, по три-пять патронов в сторону тропы, с которой мы только что спустились. Двоих срезал, а остальные пре-

кратили продвижение и спрятались за камнями.

Плохо помню, что происходило дальше. Пикап, взрыв колесами грунт, резко рванул вперед, что-то грохнуло. На ходу стрелять по людям из пулемета – такое себе, поэтому я отложил его в сторону.

Справа я увидел еще одну машину, которая уткнулась бампером в яму. Все лобовое стекло было в белых отверстиях и пятнах крови. Кажется, с ней все. Вряд ли в сложившейся обстановке там кому-то еще можно было помочь.

Со мной в кузове лежал еще кто-то раненый, но ни лица, ни звания я не разглядел. Из всех четырех машин, вырваться из капкана смогли только две. А сколько человек успели спастись, я не разглядел.

Водитель нашего пикапа жал на педаль газа так, что едва справлялся с управлением. Несколько раз колеса сползали с накатанного полотна и нас жестко заносило. Влететь во что-нибудь на такой дороге – проще простого. Приподнявшись, я заглянул в салон и увидел, что за рулем сидел сам майор Ветров. Рядом, на пассажирском сиденье лежала маленькая оранжевая коробка, бинт и использованный шприц...

Странно, но как только мы тронулись с места, по нам практически прекратили стрелять. Я ожидал, что сейчас откуда-то покажется машина преследования и погоня продолжится. К счастью, этого не произошло, видимо, у духов техники поблизости не оказалось. А может, они не рискнули лезть дальше, ведь рядом была уже контролируемая терри-

тория советских войск.

Через несколько минут мы окончательно вырвались из опасного района, и все закончилось. Дальше было пологое предгорье, а далеко впереди можно было различить тот самый блокпост, откуда мы выдвинулись на операцию. Вторая машина сильно отставала, судя по всему, виной были простреленные колеса. Да и неудивительно, как мы вообще оттуда ноги унесли? Это была настоящая мясорубка! И, черт возьми, я не мог поверить, что меня даже не зацепило... Ну да, несколько ссадин, пара царапин. Осколком при взрыве зацепило... Пожалуй, тот самый случай, про который говорят: «Новичкам везет». Не знаю, насколько это уместно.

Помимо меня и снайпера Васильева, в кузове лежал раненый старший лейтенант Нагибин, который пришел в себя во время движения. Он морщился от боли, прижавшись спиной к борту. Судя по количеству повязок, у него было не менее шести осколочных ранений.

Постепенно мы начали сбавлять скорость. Я повторно заглянул в салон и увидел, что Ветров вел себя странно, кривился от боли и постоянно тряс головой, будто бы прогоняя дрему. Заметил, что вся правая рука майора была в крови. Дело плохо.

– Тормози! – крикнул я, хлопнув ладонью по крыше. – Все, майор, тормози!

Водитель не стал возражать и постепенно остановился. Я выбрался наружу и распахнул водительскую дверь. Вид у

Ветров и вправду был неважный. Лицо бледное, весь вспотевший. На ноге огнестрельная рана, на плече, судя по всему, тоже. Еще и в районе живота было небольшое, подозрительное темно-красное пятно. Черт возьми, да у него не одно ранение, а целых три! Вот дерьмо...

– Серьезно зацепило? – спросил я.

– Жить буду... Сам-то цел? – тихо прохрипел он. Видимо, ему было совсем хреново и держался он только на морально-волевых.

– Цел. Я вообще везучий. Перелезай на пассажирское, дальше я поведу. Водитель из тебя сейчас не очень. Давай, давай... Толку бодаться?

Возражать майор не стал, понял, что спорить со мной бессмысленно. Конечно, обезболивающий укол промедола это хорошо, но совсем не панацея. Да и шприц-то всего один. А других средств в нашем распоряжении и не было.

С моей помощью Ветров все-таки перебрался на пассажирское сиденье. Принялся перетягивать рану на бедре резиновым жгутом. Получалось у него плохо, но он справился.

– Сколько живых в кузове? – между делом поинтересовался он.

– Двое. Васильев и Нагибин. Остальным не повезло. Но сзади нас еще одна машина, может, там больше бойцов уцелело?!

Глупо было на это надеяться, учитывая обстоятельства. Командир с досады долбанул кулаком боковую стенку. Бес-

сильно скрипнул зубами.

— Надеюсь, этот чертов чемодан стоит пролитой крови моих парней! — спустя несколько секунд процедил он, глядя куда-то за горизонт. — Не потерял?

— В кузове лежит.

Нас нагнала вторая машина, где тоже оказалось четверо уцелевших. У пикапа были прострелены оба задних колеса, именно поэтому машина и отставала. В итоге получилось, что из семнадцати человек, участвующих в операции, выжило чуть больше половины. Судьба остальных была очевидна. Раненых либо добьют, либо возьмут в плен и будут пытаться обменять. Как ни прискорбно, но в той обстановке помочь остальным мы не могли — скорее всего, остались бы там все. Навсегда. И тогда весь смысл операции сходил на нет.

— Долго мы еще будем здесь торчать? Поехали уже... — тяжело выдохнул Ветров.

Заняв его место, я направил машину в сторону виднеющегося вдалеке поста. До него было минут пятнадцать езды. Так и оказалось, когда мы добрались до блокпоста, нас уже ждали. Из Баграма вызвали вертушку.

Гарнизон был поднят по тревоге, ожидалось, что нас могли преследовать. Раненым тут же принялись оказывать медицинскую помощь, а изрешеченные пулями машины отогнали в сторону и бросили. Свою службу они сослужили.

Я наравне со всеми помогал с ранеными, хотя, пожалуй, это было лишним. Медиков тут хватало.

Ждали, что на нашу дерзкую выходку будет какая-то реакция, но было тихо. Так прошло около часа. С авиабазы из Баграма прибыло две вертушки, Ми-8 и сопровождающие ее два двадцать четвертых.

На вертушке прибыли гости. Один из них привлек мое внимание.

– Где лейтенант Савельев? – спрашивал тот, подходя то к одним, то к другим.

Когда он подошел ближе, я разглядел его. Это был капитан Быстров, которого я видел на фотографии, что мне передал помощник полковника Черненко. Ну, лучше поздно, чем никогда. Впрочем, этого стоило ожидать.

Решительно направился к нему, держа в руках серебристый кейс, который достался нам такой дорогой ценой.

– Это оно? – спросил капитан, кивнув на чемодан. Он прекрасно понимал, что нам пришлось пережить, поэтому не стал задавать лишние вопросы относительно самой операции, ответы на которые и так были очевидны. Их сейчас как раз грузили в «восьмерку».

Я молча кивнул.

– Так... – выдохнул он. – Сейчас вертушка пойдет обратно на базу. Летишь со мной. Дальше свяжемся с Москвой и решим что делать.

Я не стал возражать, устраивать демагогию по поводу всего произошедшего. Это и без меня сделают. Позже. Тот же майор Ветров, ему бы только сил набраться и на ноги встать.

Куда смотрела разведка? В горах, помимо каравана, было подозрительно много духов и это неспроста. Уж не ловушкой ли это было?

Одним из выживших во второй машине был командир первой группы спецназа, капитан Иванов, получивший пару легких ранений в руку. Почему-то Быстров говорил только со мной, хотя ему стоило бы выслушать доклад командира первой группы – Ветров был совсем плох.

Нужно было торопиться, поэтому отлет был назначен тут же.

За свою долгую службу на вертолетах я летал не один десяток раз. Из-за опасности быть сбитыми из хваленых американских «Стингеров», которые так полюбили моджахеды, наши вертолеты летали очень низко над землей. Из-за этого звук работы двигателя, отраженный от земли, искажал общий фон, а потому казалось, будто летишь не на вертолете, а на чем-то особом.

У меня разболелась голова. Гул в салоне и вибрация отнюдь не способствовали самочувствию. Но я держался, тем более вряд ли сейчас кто-то стал бы искать для меня обезболивающее.

Пока летели, картина снаружи была одной и той же – сплошные горы. Я не заметил ни одного поселения, ни одного признака, что в этом районе есть жизнь. Пару раз были какие-то руины, но они мало походили на аулы.

То ли пилот вертушки намеренно выбирал такой марш-

рут, чтобы из какого-нибудь двора не прилетело, то ли это реальные последствия войны, что длилась на этой земле уже столько лет.

К счастью, до Баграма мы добрались без проблем. Хватило с меня экстремальных событий. Когда Черненко говорил, что эта командировка будет легкой прогулкой и мне ничего не угрожает, я и подумать не мог, что попаду в такую жесткую мясорубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.